

Теория и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Валерия Мухина, Андрей Хвостов

ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ДРУГИХ: МОШЕННИКИ И ПЛУТЫ, НАСИЛЬНИКИ И УБИЙЦЫ

Аннотация. Анализируются негативные личностные качества: мошенничество и плутовство, насилие и склонность к убийствам. Рассматриваются другие, сопряженные с названными качествами, негативные качества, которые причисляются к порокам культуры или дьявольским порокам (И. Кант). Показано, что все названные негативные качества личности отчуждают человека от других людей.

Ключевые слова: пороки; мошенничество; плутовство; насилие; склонность к убийству; пороки культуры; аддиктивное поведение; отчуждение от других.

Abstract. Negative personal qualities, such as swindle, knavery, violation and propensity to murders are analyzed. Other negative qualities connected with the named ones and viewed as defects of culture or devil defects (I. Kant) are considered. It is shown, that all of these negative qualities alienate a person from other people.

Keywords: defects; swindle; knavery; violence; propensity to murder; defects of culture; addictive behavior; alienation from others.

Горе городу кровей! весь он полон
обмана и убийства; не прекращается
в нем грабительство

[Наум. 3:1]

А исходящее из уст – из сердца исходит –
сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят
злые помыслы, убийства, прелюбодеяния,
любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления –
это оскверняет человека...

[Мф. 15:18–20]

Есть человеческие проявления по отношению к другим, которые являют собой социальную непосредственную опасность для жертв этой категории людей. Речь идет о крайних формах абсолютного отчуждения лиц, способных на *мошенничество и плутовство, насилие и убийство*.

В истории
человечества
развивались
качества,
возвышающие его
и низвергающие его
в бездну зла

В процессе всей истории человечество не только создавало себе условия для более защищенной жизни, но и развивало в себе все новые и новые, собственно человеческие качества. Это были качества, возвышающие человека, поднимающие его к акме пронзительной духовности, и качества, низвергающие его в бездну зла, агрессии, отчуждения от мира и от себе подобных. Эта амбивалентность человеческой сущности понималась проницательными гениями, живущими еще до н. э. Позднее она была гениально представлена в Божественной комедии А. Данте и далее прослеживалась во все времена человеческой истории.

Злые помыслы и поступки, присущие человеку, являются пороком культуры, который закономерно прорастает в истории человеческих отношений.

Здесь мы будем обсуждать такие тяжелые, злые пороки, как *мошенничество и плутовство, насилие и убийство*. Эти пороки сопровождают человека в его индивидуальной жизни: если не в его реальных поступках, то в помыслах; если не в помыслах, то в прилогах. Происходит это, во-первых, от знаний человека об этих черных пороках, знаний, входящих в Великое идеополе общественного сознания; во-вторых, от внутренних побуждений и соблазнов возможных преступаний черты нормативных ожиданий допустимого поведения и сомнительного ощущения самостоятельного, свободного противостояния обществу.

1. Познание сути зла пороков человека со времен древней истории по сей день

В русском языке существует множество объяснительных принципов значений и смыслов мошенничества и плутовства, насилия и убийства.

Обратимся к интерпретации этих слов В. Далем.

Мошенник
в значениях
и смыслах русского
языка

Мошенник – карманник, тяглец, карманный вор, обманщик.

Он из плута скроен, мошенником подбит. На всякого майданщика (игрока в орлянку) по семи олухов. Вору не божиться, так и праву не быть. И воровство ремесло. Воровство – последнее ремесло. Ни от камня плода, ни от вора добра. Вор не брат, а потаскуха не сестра. Легко воровать, да тяжело отвечать. Вор попал, а мир пропал. И вор богу молится, да черт молитву его перехватывает. Вор ворует не для прибыли, а для гибели. Раз украл, на века вором стал. Вор беду избудет – опять на воровстве будет. Воры не родом ведутся, а кого бес стяжает. На воре шапка горит. Доброму вору все впору. Вор караульщика стережет. По делам вору и мұка. У вора ремесло на лбу написано [1, с. 222].

Мошенничать – заниматься мошенничаньем, промышлять мошенничеством и обманом.

Плут в значениях
и смыслах русского
языка

Плут – кто плутует, ловчит, обманывает, мошенник, бездельник, нечестный человек, надувала, оплетала, ошукало.

Мошенничество и плутовство – сопряженные по значениям и смыслам понятия. Мошенники и плуты – всегда отчуждены от других людей. Они не обладают способностью сочувствовать и сопереживать другим. На их пути нет возможности к добрым человеческим побуждениям. Их путь – отчужденное движение к цели, получение обманом, ложью возжелаемых предметов и статусов. Мошенники и плуты не только грабят и унижают свои жертвы, но могут довести их до обнищания, болезней и смерти. Мошенники и плуты могут стать причиной смерти других людей.

Насильник и убийца
в значениях
и смыслах русского
языка

Насильник – насилитель, насилитель, насильщик, насилитель – притеснитель, обидчик, своевольник, самоуправщик, всяк достигающий воли своей насильем. Насильник насильно заставляет другого делать то, чего ему угодно. Насильник может осуществить насильственную смерть своей жертвы, он может стать убийцей.

Убийца – убивец, убоец, кто извел или фактически убил человека.

Мы перечислили качества, которые великий русский язык создал в его истории и которые избличают в человеке его темную, негативную сторону, его глубокое отчуждение от других.

В этой связи следует отнести свое внимание к предтечам русского словника – к Библии и духовной православной философии.

В книгах Ветхого Завета проблема насилия обсуждается многократно. Так, в книге учительной «Псалтирь» мы читаем: «Господь испытывает праведного, а нечестивого и любящего насилие ненавидит душа его» [Пс. 10:5]; «О Соломоне. Боже! Даруй царю Твой суд и сыну царя Твою правду <...>. От коварства и насилия избавит души их, и драгоценна будет кровь их пред очами его...» [Пс. 71:1, 14]; «Станет ли близ Тебя седалище губителей, умышляющих насилие вопреки закону?» [Пс. 93:20]; «Благословения – на голове праведника, уста же беззаконных заградит насилие» [Пр. 10:6]; «Уста праведника – источник жизни, уста же беззаконных заградит насилие» [Пс. 10:11]. «Насилие нечестивых обрушится на них, потому что они отреклись соблюдать правду» [Пс. 21:7]; «Не ревнуй злым людям и не желай быть с ними. Потому что о насилии помышляет сердце их и о злом говорят уста их» [Пс. 24:1, 2]; «...дела их – дела неправедные, и насилие в руках их» [Ис. 59:6]; «Ибо Я, Господь, люблю правосудие, ненавижу грабительство с насилием и воздам награду им по истине, и завет вечный поставлю с ними» [Ис. 61:9]; «Как источник извергает из себя воду, так он источает из себя зло: в нем слышно насилие и грабительство, пред лицом Моим всегда обиды и раны» [Иер. 6:7]; «Да не ослабевают сердце <...> и на земле *будет* насилие» [Иер. 51:46]; «Сделай цепь, ибо земля эта наполнена кровавыми злодеяниями и город полон насильий» [Иез. 7:23]; «Взятки берут у тебя, чтобы проливать кровь; ты берешь рост и лихву и насилием вымогаешь корысть у ближнего твоего, а Меня забыл, говорит Господь Бог» [Иез. 22:12]; «Слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, а правили ими с насилием и жестокостью» [Иез. 34:4]; «Они не умеют поступать справедливо, говорит Господь: насилием и грабежом собирают сокровища в чертоги свои» [Ам. 3:10]; «Вы, которые день бедствия считаете далеким и приближаете торжество насилия...» [Ам. 6:3]; «И повелел провозгласить и сказать в Ниневии от имени царя и вельмож его: <...> “и чтобы каждый обратился от злого пути своего

и от насилия рук своих. Кто знает, может быть, еще Бог умиласердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем» [Иона 3:7–9]; «Доколе, Господи, я буду взывать, и Ты не слышишь, буду вопиять к Тебе о насилии, и Ты не спасешь? Для чего даешь мне видеть злодеяние и смотреть на бедствия? Грабительство и насилие предо мною, и восстает вражда, и поднимается раздор» [Авв. 1:2–3]; «Посещу в тот день всех, которые перепрыгивают через порог, которые дом Господа своего наполняют насилием и обманом» [Соф. 1:9].

Эти суждения столь поучительны, что жаль прерывать их, дабы сократить текст.

Тема насилия
и убийства в Библии

В Книгах Нового Завета слово насилие упоминается лишь единожды [Деян. 27:7], однако сама проблема насилия человека над человеком безусловно пронизывает контексты Евангелий и посланий.

В то же время тема убийц и убийства в Библии обсуждается с бóльшей интенсивностью и наполненностью, чем тема насилия. Приведем некоторые строки, фиксирующие внимание на ужасах убийства: «И изолью на тебя негодование Мое, дохну на тебя огнем ярости Моей и отдам тебя в руки людей свирепых, опытных в убийстве» [Иез. 21:31]; «Клятва и обман, убийство и воровство, и прелюбодеяние крайне распространились, и кровопролитие следует за кровопролитием» [Ос. 4:2]; «Горе городу кровей! весь он полон обмана и убийства; не прекращается в нем грабительство» [Наум. 3: 1]; «Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления – это оскверняет человека...» [Мф. 15:19–20]; «Далее сказал: исходящее из человека оскверняет человека. Ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство – все это зло извнутри исходит и оскверняет человека» [Мк. 7:20–23]; «Тогда был в узах некто, по имени Варавва, со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство» [Мк. 15:7]; «И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилосердны» [Рим. 1:29–31].

Отражение плодов крайнего отчуждения в текстах Библии

Тема крайнего отчуждения человека в православной философии

стивы» [Рим. 1:28–31]; «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянства, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не следуют. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание...» [Гал. 5:19–23]; «И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем» [Откр. 9:12].

В Библии гораздо более текстов посвящено проблеме сущности убийц и их тяготению к убийствам. Приведенные суждения должны побудить читателя глубоко размышлять о темных негативных качествах человека, качествах, которые обильно представлены множеством разных слов, за которыми стоит множество помыслов, проступков и преступлений человеческих.

Хотя понятия «мошенничество» и «плутовство» не внесены в предметный указатель Симфонии к синодальному изданию Библии, в самих текстах Библии понятия, близкие по значениям и смыслам, присутствуют во многих главах.

Что касается понятий, относящихся к насилию и убийству, то они в обилии присутствуют в текстах Библии, и *их отличает соединенность, сопряжение с другими понятиями, несущими в себе отражение плодов крайнего отчуждения человека от человека.*

В духовной православной философии также обильно представлены сущностные описания негативных свойств человека, которые знаменуют собой абсолют отчуждения человека от человека.

Авторы предлагают вниманию своих читателей библейские тексты глав, в которых называются *насилие и убийство – качества, с которыми сопряжены другие негативные качества, присущие человеку*: нечестивые, злые, злодеи, неправедные, ненавидящие, взяточники, лиходеи, вымогатели, корыстолюбцы, грабители, насильники, несущие вражду и раздор, обманщики, негодующие, яростные, клятвопреступники, обманщики, воры и прелюбодеи, кровопролитствующие, грабители, измышляющие злые помыслы, прелюбодеятели, прелюбоделы, любодеятели, лжесвидетели, хулители, осквернители человеков, лихоимы, коварныеизавистливые, богохулы, гордецы, безумцы, делающие непотребства, исполненные всякой неправды, лукавцы, блудни-

ки, корыстолюбцы, завистники, побуждающие к распрям, обману, злонравные, злоречивые, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, изобретатели зла, безрассудные, вероломные, непримиримые, немилостивые, блудливые, нечистые, непотребные, враждебные, завистливые, гневливые, исповедующие ересь, ненавидящие, пьянствующие, бесчинствующие, чародействующие, блудодействующие и мн. другие обозначения низких сторон отчужденных проявлений человека.

В человеке не может быть какого-либо одного темного качества

Авторы путем долговременных трудоемких исследований пришли к убеждению в том, что *не может быть в человеке какого-либо одного черного качества: одно негативное качество влечет за собой множества других темных качеств, которые сопрягаются, коррелируют с ним.*

Платон об ужасе несправедливости и насилия

Рассуждая о справедливости как выгоде сильнейшего, Платон писал в своем «Государстве» об ужасе несправедливости и насилия. Он отмечал, что всякому, обладающему властью, несправедливость дает большие преимущества: «Всего проще тебе будет <...> понять, если ты возьмешь несправедливость в ее наиболее завершенном виде, когда благоденствует как раз тот, кто нарушил справедливость, и в высшей степени жалок тот, кто на себе испытал несправедливость и все же не решился пойти против справедливости. *Такова тирания: она то исподтишка, то насильственно захватывает то, что ей не принадлежит* – храмовое и государственное имущество, личное и общественное – и не постепенно, а единым махом» [2, с. 100]. Нарушение справедливости, согласно видению Платона, наказывается и покрывается величайшим позором. Таких нарушителей издревле называют злодеями, святотатцами, взломщиками, грабителями и ворами.

Однако проходят дни и годы, бегут века, но насилие и несправедливость продолжают оставаться сущностной особенностью черных человеческих качеств.

Человек несправедливый и справедливый

Далее Платон дает описание качеств человека несправедливого и справедливого: «У человека несправедливого – коль скоро намерен именно таковым быть – верным приемом в его несправедливых делах должна быть *скрытность*. Если кто его поймает, значит, он слаб. Ведь крайняя степень несправедливости – это казаться справедливым, не будучи им на самом деле <...>. надо допустить, что тот, кто творит величайшую несправедливость, уготовит себе величайшую славу в области справедливости: если он в чем и промахнется, он сумеет поправиться. Он красноре-

Тирания
и незаконное
вождеделение

чив и способен переубедить людей, если раскроется что-нибудь из его несправедливых дел; *он способен также применить насилие, где это требуется...*» [2, с. 120].

Платон воссоединял тиранию и незаконные вождеделения: «С каждым днем и с каждой ночью будет расцветать много ужаснейших вождеделений, предъявляющих непомерные требования <...>. Когда все истощится, тогда рой раздувшихся вождеделений, угнездившихся в этих людях, начнет жужжать, и эти люди, словно гонимые стрекалом различных желаний, а особенно Эротом (ведь он ведет за собой все желания, словно телохранителей), *впадают в безумие и будут высматривать, у кого что есть и что можно отнять с помощью обмана или насилия*» [2, с. 363]. Платон писал о типе людей, у которых есть настоящая потребность грабить. Все возрастая, стремление такого человека к удовольствиям превосходит его прежние прихоти и их обездоливает, он начинает притязать на большее. Такой человек готов даже ограбить своих родителей, прибегнув к насилию [2, с. 364].

Показная
справедливость
недостаточна

Платон говорил о *недостаточности показной справедливости*: «Низкая угодливость вызывается тем, что как раз яростное начало души человек подчиняет тому неумемному, как толпа зверю, который из *алчности* к деньгам и ненасытности смолоду приучается помыкать этим своим началом, превращаясь из льва в обезьяну» [2, с. 386]. Платон писал о том, что человек способен управлять собой через свое лучшее начало: «... всякому человеку лучше быть под властью божественного и разумного начала, особенно если имеешь его в себе как нечто свое <...>. То же и наша власть над детьми: мы не дадим им воли до тех пор, пока не приучим их к некоему порядку, словно они – некое государство, и, развивая в себе лучшее начало, не поставим его стражем и правителем над таким же началом у них, после этого мы отпускаем их на свободу» [2, с. 386].

Насилие как зло

О насилии как зле Платон писал и в других своих работах – «Политик» и «Законы» [3, с. 51, 61, 167, 336, 399, 482]. В то же время Платон не раз обращался к феномену убийства, к теме наказаний для убийц и проблеме кары за другие виды насилия [3, с. 320–323]. Философ писал об убийствах насильственных и невольных. Если эллин убил своего раба или свободнорожденного человека, то после очищения убийство не ставится ему в вину. Убийенный тревожит убийцу, вносит тревогу во все его дела, причем союзником ему в это служит память [3, с. 321].

Убийство под
влиянием гнева
и ярости

Платон подробнейшим образом рассматривал убийство под влиянием гнева и ярости. Философ рассматри-

вал два случая ярости: *когда* поступок совершается в состоянии ярости, возникшей внезапно и непреднамеренно, под влиянием мгновенного порыва, а затем тот час же возникает раскаяние в совершенном поступке, и, *когда* замышляют отомстить за нанесенную прежде словами или бесчестными делами обиду и потому с намерением убить действительно убивают обидчика; и в этом случае не возникает раскаяния в совершенном поступке [3, с. 322–323]. Человек необузданный в гневе так же опасен, как и тот, кто рассчитывает свою месть.

Три наклонности человека согласно Аристотелю

Аристотель вслед за своим учителем анализировал сильные и слабые стороны человека. Он исходил в своих суждениях из того, что в проявлениях человека всегда существует «три наклонности, две относят к порокам – одна в силу избытка, другая в силу недостатка – и одна к добродетели – в силу обладания серединой» [4, с. 91].

Добродетель середины наклонностей человека

Аристотель рассуждал: «Середине же в одних случаях более противоположно то, в чем недостаток, в другом – то, в чем избыток; скажем, мужеству более противоположна не смелость, в которой избыток, а трусость, в которой недостаток; напротив, благоразумию не так противостоит бесчувственность, в коей присутствует какая-то обделенность, как распущенность, состоящая в излишестве» [4, с. 92]. Аристотель анализировал *бесчувственность*, которая может быть свойственна отдельным людям, как уничижающее их качество [4, с. 118], и сопрягает ее с *тупостью*, когда человек не страшится ничего, даже землетрясения [4, с. 110].

Бесчувственность и тупость в обыденной жизни человека

Бесчувственность – состояние. *Бесчувственный* – тот, кто лишен способности чувствовать, по сему выражает бесчувствие, безучастие, эмоциональную холодность, равнодушие.

Тупость – свойство, ограниченность умственных способностей; непонятливость, несообразительность. *Тупой* – недостаточно развитый, невосприимчивый, с притупленным восприятием окружающего.

Бесчувственность и тупость до известных пределов могут быть свойственны людям, которые обыденно живут и трудятся в условиях обыденной жизни. Распознаются эти качества в отдельных ситуациях как индивидуальные особенности отдельных человек, качества, которые иногда удивляют, иногда вызывают недоумение, иногда вызывают иронию.

Аффективная тупость как психологическое расстройство

В психиатрии бесчувственность и тупость могут быть описаны в контексте *бессвязности мышления* или в контексте *аффективной тупости* – психического расстройства, характеризующегося слабостью эмоциональ-

ных реакций и контактов, оскудением чувств, эмоциональной холодностью, переходящей в полное равнодушие и безучастие [5, с. 44–45].

Обсуждая сущностные особенности мошенничества и плутовства, насильников и убийц мы вынуждены обратиться к проблеме человеческих добродетелей и человеческих пороков. И то, и другое – результат исторического развития человечества, человеческой культуры.

О добродетелях и пороках человека размышляли и другие эллинистические философы.

Человек имеет
влечение добиваться
признания своей
ценности

В свое время И. Кант размышлял о *задатках человечности*, о склонности человека судить о себе как о счастливом или несчастном по сравнению с другими. Именно поэтому человек, согласно И. Канту, имеет «влечение *добиваться* признания своей *ценности во мнении других*» [6, с. 26–27]. Человек не готов никому позволить превосходство над собой, отсюда возникает несправедливое желание добиться превосходства над другими. И. Кант писал: «Им, а именно *ревности и соперничеству*, могут быть привиты величайшие пороки тайной и открытой враждебности против всех, на кого мы смотрим как на чужих для нас» [6, с. 27]. Эти пороки не возникают сами собой, они могут «называться и *пороками культуры*, а когда они становятся в высшей степени дурными (так как тогда они становятся просто идеей максимума зла, превышающего человечность), например *завистью, неблагодарностью, злорадством* и т. д. – могут быть названы *дьявольскими пороками* [6, с. 27].

О задатках личности
воспринимать
уважение
к моральному
закону

И. Кант размышлял о *задатках личности* как способности воспринимать уважение к моральному закону *как о самом по себе достаточном мотиве произволения*. Среди прочих дьявольских пороков человека И. Кант называл самообольщение, самоосквернение, саморазрушение.

Также он размышлял о феномене насилия: «*Мы познаем максимум насилия и злобу людей*, толкающую их на взаимную вражду, до того как появляется какое-нибудь внешнее имеющее власть законодательство, не из опыта, то есть не из некоего факта, который делает необходимым принуждение публичных законов; какими бы благонравными и праволюбивыми люди ни представлялись, в порожденной разумом идее такого (неправового) состояния *arriori* заложено то, что, до того как создано основывающееся на публичных законах состояние, отдельные лица, народы и государства никогда не могут быть гарантированным от насилия друг над другом, притом каждый делает на основе своего собственно-

го права то, что ему кажется правым и благим, не зависит в этом от мнения других...» [7, с. 343].

И. Кант размышлял и о мошенничестве и убийцах [7, с. 368–369, 371–372], об их личностных качествах и о полагающемся возмездии. Однако его больше занимал аспект справедливости возмездия.

Злая воля
проявления насилия

Г. В. Ф. Гегель, в свою очередь, писал о преступлении, которое он обсуждал в связи с волей человека. Он полагал: «Поскольку <...> отдельная воля противопоставляет себя праву-в-себе как в отрицании его самого, так и в его признании или видимости <...>, постольку она есть в *насилии проявляющаяся злая воля, совершающая преступление*» [8, с. 332].

Философ полагал, что «такой поступок, как нарушение права, в себе и для себя ничтожен» [8, с. 332], а посему посредством своего поступка подчиняет самого себя. Несостоятельность этого поступка, осуществление сразу и этого формального закона и права-в-себе некоторой субъективной единичной волей есть *месть*, потому что она исходит из *интереса непосредственной частной личности*, является в то же время нарушением права.

Г. В. Ф. Гегель
о воле,
приуроченной
к праву

Согласно Г. В. Ф. Гегелю, самоосуществление значимости права-в-себе опосредовано тем, что воля приурочена к праву и заинтересована в том, чтобы выступить против преступления, и тем, что сила осуществления права отрицает произведенное преступником отрицание права [8, с. 332–333]. Поскольку преступление как поступок касается непосредственно *наличного бытия*, постольку преступление совершено деятельностью субъекта, явилось *его делом*, стало его *умыслом*. Фактический состав преступления подлежит применению закона к конкретному случаю. Г. В. Ф. Гегель тонко размышлял о добре как конечной цели мира [9, с. 176, 179–180], а также о сопряженности в человеке добра и зла [9, с. 61–63, 130, 131, 143].

Связь воли, аффекта
и поведения

Г. В. Ф. Гегель был занят изучением связи воли, аффекта и поведения.

О насилии последовательно размышляли К. Маркс и Ф. Энгельс в связи с антагонистическими отношениями буржуазии и рабочего класса [10, с. 419, 449, 479, 481–482]. В то же время философы изучали роль насилия в истории. Они полагали, что насилие, война, грабеж, разбой и т. д. были движущей силой истории.

О насилии
как массовом
историческом
явлении

К. Маркс и Ф. Энгельс остановились на главных моментах, выбрав «наиболее разительный пример – разрушение старой цивилизации варварским народом и образование заново, вслед за этим, иной структуры

общества (Рим и варвары, феодализм и Галлия, Восточно-Римская империя и турки)» [11, с. 67–68]. Эти философы размышляли о насилии как массовом историческом явлении, когда речь шла о *насильственном захвате* территорий, имущества и др., когда характер захвата обусловлен объектом захвата.

Здесь речь уже шла о политических акциях, истории народов и массовидных явлениях.

Мы же должны вернуться к проблемам мошенничества и плутовства, насилия и убийства как проблемам индивидуальных проявлений асоциально и аморально ориентированных субъектов.

Проблема насилия и убийств как предмет исследования физиологов и психологов

Проблема насилия и убийств была предметом исследований физиологов, психологов и представителей других профессий, заинтересованных в изучении этих феноменов негативных проявлений человека среди людей.

А. Р. Лурия, подобно И. Канту и Г. В. Ф. Гегелю, размышлял о дезорганизации человеческого поведения, исследовал проблему *взаимодействия воли, аффекта и поведения*. Однако, в отличие от философов, А. Р. Лурия исследовал аффекты преступления методом сопряженных моторных реакций (предтечей современного детектора лжи). Он опубликовал свой труд в США в 1932 г.

Феномен аффекта у преступников

А. Р. Лурия изучал механику аффекта у преступников. Он пришел к выводу: «Чем тяжелее преступление, чем более необычно оно, чем резче конфликт с обычными социальными установками, тем значительнее и актуальнее этот *первичный аффект преступления*. На него наслаивается обычно *вторичный аффект*. В данном случае он связан не столько с самим преступлением, сколько с ситуацией ареста и с ожиданием возможного наказания. Уже само лишение свободы вызывает понятные аффективные реакции; ожидание наказания, связанное обычно с чувством неизвестности и неопределенности его размеров, вызывает этот вторичный аффект; естественно, что такой аффект тем сильнее, чем тяжелее преступление; в случаях убийств и особо тяжелых преступлений, когда преступника может ожидать смертный приговор, этот вторичный аффект может достичь своей максимальной остроты» [12, с. 107]. А. Р. Лурия совершенно справедливо счел, что, как правило, «во всех этих случаях мы встречаем аффективное поведение исключительной силы, оно тем больше, чем тяжелее преступление, чем мобильнее первичная система субъекта и чем ближе к моменту преступления мы его наблюдаем» [12, с. 107].

Выраженный аффект, переживаемый годами, ложится основой застывшего стресса

Соглашаясь с выводами А. Р. Лурии о том, что «аффективные переживания концентрированы вокруг вполне определенных, связанных с преступлением комплексов» [12, с. 108], В. С. Мухина показала путем многолетней работы с пожизненно осужденными, что выраженный аффект, переживаемый в результате осуждения и наказания, длится годами, а по прошествии многих лет этот аффект явно трансформирует личность преступника так называемым *застывшим стрессом*.

В. С. Мухина писала: «Я работаю с осужденными, испытывающими стресс на протяжении длительного времени. Фактически нет фиксации на моменте завершения: начало – приговор к расстрелу, высшей мере наказания; затем – ожидание расстрела; наконец – замена высшей меры на пожизненное заключение. Стресс запрограммирован в условиях существования.

Особенности эмоциональной стороны стресса, растянутого во времени, я сочла правильным назвать *застывшим стрессом*.

Значение условий существования для динамики застывшего стресса

Застывший стресс требует постоянной специфической адаптационной перестройки как функциональных систем организма, психических функций, так и особых личностных усилий на определенные *цели жизни* в заданных условиях» [13, с. 169]. Заданные условия – прежде всего условия существования. Как полагает В. С. Мухина, «к условиям существования, которые определяют физическое и психическое самочувствие осужденного, следует отнести: 1 – строгий режим; 2 – бедность предметного мира; 3 – сенсорную депривацию; 4 – скученность на малом пространстве; 5 – специфические уставные формы общения администрации и охраны с заключенными. Этот комплекс создает *эффект застывшего стресса* – условия неизменны, они не зависят от времени года, почти не зависят от состояний и поведения осужденного. Можно сказать: никакой вариативности условий. В этом наказание, в этом испытание» [13, с. 171]. В. С. Мухина не раз повторяла, что такой растянутый во времени стресс следует называть застывшим стрессом, или застывшим аффектом [13, с. 182].

Преступление ужасно для жертвы и для самого преступника

Как бы ужасающе не выглядела расплата убийцы за аффективные переживания по поводу совершенного насилия над другим человеком и лишения его жизни, а еще более – по поводу ситуаций, связанных с переживанием того, что тебя ищут и что тебя ждет кара, затем переживание состоявшегося ареста и, наконец, ситуация долгосрочного или пожизненного наказания, повторим: как бы ужасающе не выглядела расплата убийцы

за свои преступления, само преступление куда ужаснее для невинной жертвы и для самого преступника.

Преступления, связанные с убийством, происходят у лиц необузданных, гневливых, с помраченным сознанием, сребролюбивых и вещелюбивых, исповедующих вседозволенность и тем самым – аморализм. Именно эти асоциальные, негативные качества человека позволяют ему переступить черту и отчужденно и яростно лишать жизни другого человека.

Убийцы в своих историях дублируют друг друга

В. С. Мухина писала об убийцах и их историях: «Все истории похожи одна на другую: алкогольное опьянение, помраченное сознание, необузданный гнев, преступление – убийство или серия убийств. Помраченное сознание и необузданный гнев подчас неотделимы одно от другого» [13, с. 60].

Убийца о пути к преступлению

В своих рефлексиях на путь к преступлению и убийству весьма прозаично писал Гоша Лендъел – осужденный на смертную казнь, а позже помилованный на пожизненное осуждение. Он указывал на условия, которые формируют асоциальные начала в человеке, начало пути к преступным действиям: «Так и непутевого подростка из неблагополучной семьи особо не волнует, что он подворовывает на винцо. Это входит в норму его жизни. И не за горами то время, когда “подфартит” серьезное дельце и группа таких лиходеев, приняв на грудь для храбрости, пойдет на дело. И потом еще раз. И еще раз... А, если на пути к вожделенным деньгам встанет человек, то его убьют, чтобы не было свидетелей... Нет, этот человек не был ненавистен этим преступникам. Они, собственно, о нем ничего не знали – он просто им мешал. Он, этот человек, преградивший дорогу к деньгам, был для них просто манекеном, тряпичной куклой, которая мешала им. Они перерезали горло, чтоб эта кукла не свидетельствовала против них. А потом было еще много кукол и многим они резали шею или душили, или стреляли в них – лишь бы никто не свидетельствовал против них» [14, с. 202–203].

Все начинается с малого

Гоша Лендъел писал: *«Все начинается с малого. Всегда страшным, тяжким преступлениям предшествуют маленькие, “мелкие” преступления на протяжении долгих лет. Очень редко, крайне редко, убийства совершаются внезапно, спонтанно. Убийство на ровном месте не происходит: ему предшествуют “мелкие” преступления вперемишку с преступными помыслами, а их упреждают прилоги»* [14, с. 203].

И далее Гоша пишет: «На собственном горьком опыте мы убедились, что *тьма в душе убийцы – это сатанинская тьма* и вырваться из нее можно лишь с Божией

помощью» [14, с. 204]. Гоша описал постоянно преследующие убийцу *чувства тревоги и страха*: «И страх начинает преследовать его постоянно, днем и ночью. Это страх не столько возмездия за убийство, сколько страх того, что убийца уже как бы не совсем человек, страх собственной пакости и неполноценности» [14, с. 204]. Вот именно эти чувства и есть расплата убийцы за содеянное.

Преступники-убийцы крайне отчуждены от своих жертв

В. С. Мухина описала типологию преступников, указав, прежде всего, что все они *крайне отчуждены* от тех, кто стал их жертвами. Она писала: «Умышленные убийства ради достижения конкретной цели (ради кражи, присвоения чужого имущества или “работа киллера”) обычно готовятся заранее: прорабатываются план, стратегия выполнения, подбираются подсобные средства для эффективного исполнения умысла (оружие: ножи, пистолеты, заточки и др.; веревки, лейкопластыри и др.).

Инструментальная агрессия убийц

Исполнение убийства в этом случае причисляется к категории *инструментальной агрессии*».

Эта категория убийц отличается тем, что они абсолютно отчуждены от жертвы. Они – инструментальные агрессоры – редко раскаиваются по поводу убийства своих жертв. Психологически эти убийцы были заняты инструментальными действиями. Лишение жертвы жизни было не результатом личной неприязни, а средством достижения преступной цели. Сидя на участке пожизненного заключения, малое число из этой категории убийц приходит к настоящему раскаянию из-за убийства других людей. Убийцы инструментальной агрессии по большей части остаются навсегда отчужденными от своих жертв.

Преступники помраченного сознания

Социопаты, совершающие убийства из-за необузданного гнева, лишают жизни знакомых, друзей, членов семьи. Эти убийцы причисляются к категории *эмоциональных агрессоров, к преступникам необузданного гнева и помраченного сознания*. В ситуации конфликта формируется новый тип взаимодействия между эмоциональным агрессором и жертвами. Эмоциональная агрессия возникает ситуативно, враз (в ситуациях спонтанных конфликтов, в ситуации алкогольного опьянения) или накапливается исподволь, долговременно в ситуациях фоновой депривации, выяснения отношения долготерпения и сдерживания негативных эмоций.

Эта категория убийств отличается тем, что подавляющее большинство эмоциональных агрессоров, – преступников необузданного гнева и помраченного сознания, – не забывают о происходивших когда-то

конфликтах. При вербализации произошедших много лет тому назад событий они вновь возбужденно, на повышенных тонах перебирают события давно минувших дней. Психологически эти убийцы вновь и вновь возвращаются к переживаемому когда-то конфликту и продолжают диалог со своими жертвами. По большей части они отчуждены, но эмоционально фиксированы на ситуации своей страшной расправы над близкими. Лишь в редчайших, исключительных случаях они дорастают до самообвинения, покаяния и стремления искупить свою вину» [13, с. 94–95].

В зонах России среди осужденных – особо опасных преступников – охлоса* было больше. Энергичные, умные и целеустремленные разбойники и убийцы – редкость. Большая часть из них – незавершенные, распавшиеся и поврежденные. Тех и других объединял разлагающий дух аморализма.

Аморализм как
ценность
преступного мира

Осужденные пожизненно, внимательно изучая работу А. А. Хвостова, посвященную структуре и детерминантам морального сознания, весьма эмоционально реагировали на раздел, посвященный проблеме аморализма [15, с. 17–103]. Один из них счел возможным сказать: «Сильная вещь. Самое удивительное и страшное, что аморализм подменяет собой мораль. Аморализм – это отчуждение от других. Отчужденность и аморализм происходят с малых лет. Побудительные причины – страх. Страх осуждения, непризнания, опасности...». Осужденный пожизненно преступник очень тонко подметил, что аморализм стоит на платформе страха перед осуждением, возможным непризнанием человека как такового. Очевидно, потенциально будущий отчужденный убийца чувствует себя дискомфортно в кругу более социально защищенных и реально более успешных сверстников в учебе, в спорте и в других значимых для подростков сферах, позволяющих утвердиться среди своих ровесников. Будучи неудовлетворенными своим статусом в группе, такие подростки подспудно начинают демонстрировать отчужденность и аморализм как свойства, которые противопоставляют их другим, более социализированным и успешным.

Аморализм разнообразен: он предлагает не одно суждение в пользу аморального поведения. Аморализм в мотивации отдельного человека всегда *циничен, асоциален и прагматичен*.

Аморализм обладает
сложной структурой

А. А. Хвостов показал, что суть аморализма в дискредитации моральных ценностей. Анализируя мно-

* От греч. ὄχλος – чернь, вульгарная толпа.

гих специалистов в области морального сознания, исследователь пришел к выводу о том, «что в моральном сознании *аморализм прямо не противопоставлен моральным ценностям и принципам* <...>. Аморализм сам по себе обладает довольно сложной структурой. Условно основные выделенные факторы аморализма можно обозначить как “необходимость зла”, “свобода самоопределения”, или анархизм, “добро с кулаками”, иезуитизм» [15, с. 39].

Многими исследователями было показано, что моральные ценностные ориентации существуют в человеческих отношениях на равных с ценностными ориентациями на аморализм. Эта *нравственно-безнравственная амбивалентность поразительным образом существует как в истории самих социальных отношений человеческих сообществ, так и в индивидуальной истории каждого отдельного человека.*

Отклонения от норм морали в сочетании с бытующей апелляцией к другим («все так поступают») неизменно приводит к тому, что такие отклонения носят системный характер. Известно, что социальные нормы скрыто или открыто нарушаются повсеместно в широких масштабах. Реально аморальные мотивы и формы поведения присущи людям феноменологически: *морально-аморальное сознание присуще человеку как существу амбивалентному.*

Общество в целом если и не одобряет амбивалентное поведение своих членов, то подчас молчаливо принимает его или относится безразлично. Само морально-аморальное сознание достаточно трудно поддается изучению в такой мере, чтобы изменять к лучшему позицию человека по отношению к социально заявляемым нормам.

Особенно сильно поражают моральные суждения социопатов-убийц. Отчужденно расправившись со своими жертвами, в условиях строгого содержания они апеллируют к социальным нормативам и гуманистическим общественным идеалам. Эта тенденция проявляется не только на вербальном уровне, но и в сфере взаимодействия со своими сокамерниками в период адаптации к новым условиям жизни в условиях строгого содержания.

Моральный выбор для обыденного человека – сложная психологически затратная проблема. Но для человека, занявшего позицию аморализма и отчужденного отношения к другому, внешне как бы нет проблем, связанных с моральными муками. Так, мошенники и

Общество в целом относится безразлично к амбивалентному поведению своих членов

Моральные суждения социопатов-убийц

Моральный выбор для нормального человека – психологически затратная проблема

плуты, насильники и убийцы, несмотря на разные амплуа, среди обыденных, нормативно ориентированных, граждан ведут себя весьма отчужденно, цинично преследуя свои корыстные цели.

Насильники и убийцы становятся выраженными невротиками

В конечном результате отчужденные от других преступные элементы, совершившие насилия и убийства, становятся выраженными невротиками, что является расплатой за подавленную совесть и душевные муки за совершенные преступления. Невротические срывы возможны у любого человека, но у насильников и убийц они программируются за счет неизбежных аффективных переживаний.

Тип с суженными пределами жизни

Зависимость от условий и от особенностей аффективных переживаний И. П. Павлов в свое время определил как *тип «с суженными пределами жизни»* [16, с. 306]. У лиц, совершивших тяжкие преступления, изобличенных обществом и отбывающих серьезные наказания, неврозы – весьма обычные явления.

Эффект суммации

И. П. Павлов убедительно показал, что в основе невроза лежит патологическое состояние нервной деятельности, срыв нервной системы [16, с. 309, 312, 319]. Физиолог писал о суммации раздражений. Он показал, что «энергия, родившаяся в определенном нервном пункте, распространяется дальше по нервной ткани, пока эта нервная ткань непрерывна» [17, с. 393–394]. Кроме того, было показано, что общей особенностью центральной нервной системы является *феномен суммации раздражений*: в нервной системе сохраняется остаток от предшествующих раздражений и, когда присоединяются новые раздражения, вызывается эффект суммации [17, с. 400].

Наблюдая за убийцами, осужденными на пожизненное заключение, В. С. Мухина увидела, что посаженные в Матросскую тишину (г. Москва) и в Кресты (г. Санкт-Петербург) в 1991 г., спустя 20 лет сохраняют в себе эффект застывшего стресса, который по существу и есть результат эффекта суммации.

В условиях строгой изоляции преступники получают дополнительные стрессы, которые питают и продвигают дальше эффект суммации.

Углубление неврозов и страх смерти

Идея углубления неврозов и позже разрабатывалась многими специалистами. Так, К. Ясперс описал невыносимый страх смерти в различных состояниях человека [18, с. 578–579]. Поведение человека, осужденного на смертную казнь, во многом зависит от эффекта застывшего стресса и от эффекта суммации.

Тюремные неврозы пожизненно осужденных

В. С. Мухина пришла к выводу, что психологически верно будет выделить особые неврозы – «*тюремные*

неврозы пожизненно осужденных» [13, с. 453]. Тюремные неврозы сопровождаются специфическими навязчивыми состояниями. Осужденные пожизненно попадают в зависимость от неких типичных образов, побуждений, мыслей, воспоминаний, тревог, влечений, страхов [13, с. 453–454]. Навязчивые тревоги и страхи имеют особое звучание в поле сознания человека.

Всякий страх соединен с мышечными чувствами

В свое время И. М. Сеченов нашел, что страх соединяется с мышечными чувствами. Он писал: «Все без исключения инстинктивные движения в животном теле направлены лишь к одной цели – сохранению целостности неделимого <...>. Сохранение же этой целостности вполне обеспечено, если неделимое избегает вредных внешних влияний и имеет приятные, то есть полезные. Страх помогает ему в первом, наслаждение заставляет искать второго» [19, с. 33].

В первой части нашего анализа проблемы таких негативных образований как мошенничество и плутовство, насилие и убийство мы представили как ветхие, старые и новозаветные суждения о злостной сущности этих пороков, так и суждения величайших философов, начиная с древних эллинов до философов XIX–XX столетия. Далее мы указали на экспериментальные исследования и включенные наблюдения известнейших отечественных физиологов и психологов, а также на наши долговременные теоретические и экспериментальные исследования, наблюдения и попытки рефлексивного анализа полученных достоверных данных относительно мошенничества, насилия и убийств.

Рефлексии на отчужденное зло И. А. Ильина

Мы сочли правомерным в этой части анализа, показав *отчужденное зло* людей, которые являются носителями столь черных пороков, как мошенничество и плутовство, склонность к насилию и убийствам, обратиться к рефлексиям русского философа XX столетия И. А. Ильина.

В контексте нравственной философии главные идеи И. А. Ильина были сформированы в труде, посвященном значению сопротивления злу силою (1925 г.). В этом известнейшем труде, вышедшем на русском языке в России лишь в 1993 г., изложены значимые идеи философа: о самопредании злу, о добре и зле, о заставлении и насилии, о силе и зле, о связанности людей в добре и зле, об очищении души и др.

О принятии зла

Размышляя о самопредании злу, И. А. Ильин писал: «В самом деле, что означало бы “непротивление” в смысле отсутствия всякого сопротивления? Это означало бы *приятие* зла: допущение его в себя и предоставление

ему свободы, объема и власти. Если бы, при таких условиях, восстание зла произошло, а несопротивление продолжалось, то это означало бы подчинение ему, самопредание ему, участие в нем и, наконец, превращение себя в его орудие, в его орган, в его рассадник, наслаждение им и поглощение им. Это было бы, вначале, добровольное самораствление и самозаражение; это было бы, в конце, активное распространение заразы среди других людей и вовлечение их в сопогибель» [20, с. 9].

Соблазн добровольного самораствления

Совершенно справедливо и тонко наблюдение или проницательная рефлексия философа относительно соблазна добровольного самораствления и самозаражения, а затем – злого, активного распространение порочных помыслов и поступков среди других людей, соблазнение их сомнительной сладостью преступления через черту дозволенного, страстное вовлечение их в порок и в сопогибель.

Разве мы не наблюдаем этот феномен зла в людях с черной душой, разве мы не подвергались их злему умыслу растлить наш ум и нашу душу?

Кто не сопротивляется злу, тот воздерживается и от его порицаний

И. А. Ильин писал о том, что «тот, кто совсем не сопротивляется злу, тот воздерживается и от порицаний его» [20, с. 9]. Он считал, что отсутствие всякого сопротивления (и внешнего, и внутреннего) требует, чтобы прекратилось осуждение, чтобы стихло порицание, чтобы *возоблаго* одобрение зла.

Несопротивляющийся злу поглощается им и становится одержимым

Философ сформулировал «духовный закон: несопротивляющийся злу *поглощается* им и становится *одержимым*. Ибо “зло” – не пустое слово, не отвлеченное понятие, не логическая возможность и не “результат субъективной оценки”. Зло есть, прежде всего, *душевная склонность* человека, присущая каждому из нас; как бы некоторое живущее в нас *страстное тяготение* к разнузданному зверю, тяготение, всегда стремящееся к расширению своей власти и к полноте захвата» [20, с. 10].

В Библии приводятся указания на одержимых не только болезнями [Мф. 4:24; Ин. 5:4; Деян. 5:16], но и нечистым духом, бесом [Мк. 7:25, 9:17; Лк. 8:27; Ин. 10:20; Деян. 8:7]. В зонах пожизненного заключения в каждой камере есть Библия и осужденные убийцы прилежно изучают ее. Подчас они находят, что были одержимы бесом.

Противостояние обществу со стороны злого умысла

Ощущение самостоятельного, свободного противостояния обществу со стороны злого умысла является для каждого человека квазиощущением, *самообманом*, так как всякий порок так же социален, как и всякая добродетель. И, что очень важно, обе крайности человеческих проявлений имеют выраженные свои негативные особенности.

Одержимость как нравственный недуг

Проявленные в поступках мошенничество, плутовство, насилие и убийства делают человека *одержимым*, находящимся во власти страшных нравственных недугов. Недаром убийцы часто говорят о себе или со странным горделивым чувством своих всемогущества и свободы, или с угрюмыми эмоциями одержимых бесом. Человек, взявший на себя зло, допустивший себя до мошенничества и плутовства, насилия и убийств, всегда отчужден не только от своей состоявшейся жертвы, не только от потенциально возможной жертвы – от всякого другого человека, но и отчужден от самого себя [21, с. 228].

Отчуждение, доминируя в конкретном человеке (в его помыслах и поступках), создает особый психологический тип личности.

2. Современные исследования о мошенниках, плутах и других сопряженных с ними личностных качествах

Лицемеры! Хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: «Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от меня» ...

[Мф. 15:7,8]

Современные исследования мошенничества

Современные исследования обращены к пристальному изучению мошенничества, плутовства и тех сопряженных с ними других негативных качеств, которые отчуждают человека от других людей.

Мошенничество, как правило, рассматривается в контексте манипуляций, когда манипулятор жаждет получить выгоду. Е.Л. Доценко специально тщательно исследовал психологию манипуляций [22]. В свою очередь В.П. Шейнов изучал манипуляции в контексте обмана и плутовства.

Мошенничество – манипулирование жертвой

Многочисленные варианты мошенничества, плутовства и обмана В.П. Шейнов уложил в схему скрытого управления [23, с. 6–7]. Под скрытым управлением человеком (адресатом воздействия) исследователь понимал такое управляющее воздействие со стороны управляющего субъекта (инициатора), при котором: 1 – истинная цель инициатора скрывается от адресата; 2 – афишируется цель, которая привлекательна для адресата.

Разновидности мошенничества

Разновидности мошенничества в зависимости от обстоятельств систематизировали И.Ф. Амельчаков и Р.Б.

Осокин [24, с. 54–56]. Это, во-первых, обман в отношении личности (например, приписывание себе должностного положения, квалификации, состояния здоровья, попросту представление себя иным лицом). Во-вторых, приписывание несуществующего статуса другим лицам (иногда вымышленным), которые якобы содействуют инициатору мошенничества. В-третьих, обман относительно предметов (по поводу их качества, количества, ценности, существования). В-четвертых, варьирование мошенничества относительно событий. В-пятых, мошенничество, обман в намерениях (это обман относительно обещаемых действий, обман в обязательствах и др.).

Мошенник – сознательно вводящий других в заблуждение

Мошенник – это фактически тонкий манипулятор, то есть человек, который *сознательно* вводит других в заблуждение. Мошенник не только отчужден от объекта воздействия, но и попросту обязан обладать тонкой рефлексией и даже эмпатией как способностью чувствовать, мыслить и хотеть так, как чувствуют, мыслят и хотят люди, намечаемые в качестве жертвы [24, с. 73–74]. Мошеннику просто необходимо найти «отмычку» не только от кошелька, но и от души потенциальной жертвы мошенничества.

Континуум непрерывности лжи

В континууме (лат. *continuitas*) непрерывности лжи выделяют большое количество градаций. Наиболее «легкая» форма градации *псевдология* – особая разновидность коммуникативных девиаций, при которой человек руководствуется псевдологией [25, с. 156–137]. При данной форме отклоняющегося поведения человек склонен активно и часто мошенничать, используя для этого ложные (неправдивые) высказывания. При этом он часто лжет не ради получения какой-либо выгоды, а с целью привлечения внимания к собственной персоне или для провоцирования окружающих. Выгода заключается в изменении своего психологического состояния (получение удовлетворения от признания и привлечения внимания, радости от введения в заблуждение или запутывания собеседника, успокоения от причинения партнеру вреда).

Близкий вид обмана, описанный П. Экманом, имеет несколько особую его мотивацию – «восторг надувательства», нечто «весьма близкое к лептомании» [26, с. 50–57]. Обычно, меркантильного интереса в таком обмане нет (или он минимален). Интерес здесь в другом – в преодолении. К примеру, «восторг» весьма усиливается при необходимости обмануть того, кто имеет репутацию человека, которого трудно обмануть. Вероятно, такого рода обман в ряде случаев сопряжен с представлением о «розыгрыше».

Неправда
не означает
однозначно
манипулятивного
отношения
к другому

«Большой знаток и ценитель лжи» В.В. Знаков (без иронии!) предположил, что неправда не означает однозначно манипулятивного отношения к другому человеку. Неправда может воплощаться в заблуждение, при котором передаются неточные, искаженные или неполные данные, но цель обмануть не ставится [27, с. 69–81].

Согласно В.В. Знакову, *ложь* – это умышленная передача сведений, не соответствующих действительности*. Цель лгущего – ввести в заблуждение. *Обман* – это сообщение с расчетом на то, что из него будут сделаны ошибочные выводы. Согласно автору, в обмане нет ложных фактов, нет прямых искажений истины, однако они появляются в сознании обманываемого человека как результат ошибочных выводов из правдивой, но определенным образом поданной информации.

(продолжение следует)

1. *Даль В. И.* Пословицы русского народа в 3-х т. Т. 1. – СПб., 1996.
2. *Платон.* Государство: Собр. соч. в 4-х т. Т. 3. – М., 1994.
3. *Платон.* Политик. Законы: Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. – М., 1994.
4. *Аристотель.* Никомахова этика: Соч. в 4-х т. Т. 4. – М., 1984.
5. Справочник по психиатрии / Под. ред. А. В. Снежневского: 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1985.
6. *Кант И.* Религия в пределах только разума: Соч. в 8-и т. Т. 6. – М., 1994.
7. *Кант И.* Метафизика нравов: Соч. в 8-и т. Т. 6. – М., 1994.
8. *Гегель Г. В. Ф.* Философия духа: Энциклопедия философских наук: в 3-х т. Т. 3. – М., 1977.
9. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики: Энциклопедия философских наук: в 3-х т. Т. 1. – М., 1974.
10. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам // Маркс К., Энгельс Ф.: Избр. соч. в 9-и т. Т. 1. – М., 1984.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология: Избр. соч. в 9-и т. Т. 2. – М., 1985.

* Здесь надо вспомнить соображения по поводу лжи И. Канта, Ч. Дарвина и др. мыслителей и исследователей.

12. *Лурия А. Р.* Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека. – М., 2002.
13. *Мухина В. С.* Отчужденные: Абсолют отчуждения: 2-е изд. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.
14. *Лендзел И.* Рефлексии пожизненно осужденного на преступления и преступников на фоне обсуждения книги В. С. Мухиной «Отчужденные: Абсолют отчуждения» // Развитие личности. – 2011. – № 4. – С. 200–209.
15. *Хвостов А. А.* Структура и детерминанты морального сознания. – М., 2004.
16. *Павлов И. П.* Лекции по работе больших полушарий головного мозга: 3-е изд. – Л.; М., 1957.
17. *Павлов И. П.* Лекции по физиологии. – М.; Л., 1952.
18. *Ясперс К.* Общая психопатология. – М., 1997.
19. *Сеченов И. М.* Рефлексы головного мозга: Избр. произв.: В 2-х т. Т. 1. – М., 1952.
20. *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою: Путь к очевидности. – М., 1993. – (Мыслители XX века).
21. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 2-е изд., исправл. и доп. – М., 2010.
22. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции. – СПб., 2003.
23. *Шейнов В.П.* Психология обмана и мошенничества. – М.; Мн., 2002.
24. *Амельчаков И.Ф., Осокин Р.Б.* Хищение путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество): история, элементы и признаки состава, квалификация. – Тамбов, 2005.
25. *Менделевич В.Д.* Психология девиантного поведения: Учебное пособие. – СПб., 2008.
26. *Экман П.* Психология лжи. – СПб., 2007.
27. *Знаков В.В.* Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии сознания. – М., 1993.